

Хо Цзэдун выслушал новость с ледяным спокойствием. На его лице не отразилось ни тени радости, подобающей будущему отцу; он внимал словам врача так, словно речь шла о чём-то совершенно незначительном.

Его густые темные брови лишь на мгновение сошлись у переносицы.

— Всё настолько плохо? — глухо спросил он.

Будь ситуация иной, альфа вряд ли стал бы подстраивать так, чтобы ассистент увёл Лоло подальше.

Доктор кивнул:

— С одной стороны, молодой господин Цзян ещё слишком юн, а его организм крайне истощён — это не лучшее время для вынашивания плода. С другой стороны, сказывается тот самый дефект железы, о котором я упоминал после генетического теста.

Врач на мгновение замялся, подбирая слова.

— Если вкратце, этот эмбрион крайне нестабилен. В первые три месяца риск замершей беременности сохраняется постоянно, плод может просто не сформироваться. Но даже если мы благополучно пройдем ранний и средний этапы, сами роды станут для него тяжелейшим испытанием. В худшем случае под угрозой окажется жизнь самого...

Он замолчал, не решаясь произнести фатальный исход вслух.

Хо Цзэдун прекрасно понял то, что осталось недосказанным. Он бесстрастно поднял веки, и в его взгляде блеснула холодная сталь.

— Значит, вы рекомендуете операцию? Как можно скорее?

— На таком сроке операция не обязательна, достаточно медикаментозного вмешательства. Однако состояние молодого господина Цзяна сейчас оставляет желать лучшего. Я бы советовал дождаться окончания периода токсикоза. Так мы сможем минимизировать и физический, и психологический вред для его организма.

— Я понял.

Взгляд темных глаз Хо Цзэдуна, казавшийся под лампами дневного света почти черным, снова

сосредоточился на собеседнике.

— Раз уж так сложилось, расскажите подробнее, на что мне стоит обратить внимание в ближайшее время.

— Прежде всего, — начал врач, — на ранних сроках у омег часто проявляются состояния, характерные для периода течки. Они становятся тревожными, теряют чувство безопасности и остро нуждаются в поддержке своего альфы.

Он поправил очки и продолжил:

— В такие моменты небольшая порция феромонов, направленная в область железы, или просто тактильная близость помогут успокоить омегу. Но будьте осторожны: из-за нестабильности плода в первые три месяца мы настоятельно рекомендуем супругам воздержаться от интимной близости.

Хо Цзэдун на мгновение задумался, а затем внезапно спросил:

— В последнее время он часто жаловался на боли в животе. Это как-то связано?

Доктор подтвердил:

— Именно так.

Снаружи слышались шаги. Хо Цзэдун негромко, но властно распорядился:

— О беременности ему пока ни слова.

Если ребёнку не суждено родиться, нет смысла заставлять Лоло проходить через муки ожидания, чтобы потом столкнуть его в бездну отчаяния.

Проводив врача, управляющий вернулся к своим делам, а Цзян Лоло, то и дело зевая, уютно устроился в объятиях Хо Цзэдуна. Мужчина на руках отнёс его на второй этаж.

Событий за день выдалось слишком много, а выплаканные слёзы окончательно лишили юношу сил. Лоло лениво перебирал розовые лепестки, плавающие на поверхности воды в ванне, пока сон не сморил его окончательно.

Светлые, золотистые волосы намokли и облепили его лицо, на бледной коже осели капельки

пара, а губы, цветом напоминающие спелую вишню, чуть приоткрылись. Длинные ресницы, слипшиеся от влаги, неподвижно замерли на нижних веках.

Он лежал среди пышного слоя розово-белых лепестков, устлавших жемчужную чашу ванны. Прекрасный и беззащитный, он напоминал маленькую принцессу, ждущую поцелуя, который пробудит её от долгого сна.

Хо Цзэдун осторожно убрал мокрую прядь с его щеки. Почувствовав движение, маленький омега неосознанно потерся лицом о его пальцы.

Его тихий голос, пропитанный влажным теплом ванной комнаты, прозвучал необычайно нежно.

— Муженёк... — пробормотал он в полусне.

Хо Цзэдун наклонился и запечатлел поцелуй на его лбу. Его сильные руки погрузились в воду и одним мощным движением подняли Лоло. Вода с плеском скатилась обратно, а юношу тут же укутали в мягкое белоснежное полотенце.

Юноша сидел у альфы на коленях, уткнувшись мокрой головой в его грудь. Хо Цзэдун с безграничным терпением сушил его волосы феном, но в его мыслях то и дело всплывал вердикт врача.

В памяти запечатлелся момент, когда он вынимал омегу из воды: его живот был совершенно плоским, не выдавая и намека на зародившуюся жизнь.

Альфа тихо вздохнул, еще раз поцеловал спящего и, отнеся его в постель, вскоре сам погрузился в тяжелый сон.

На следующее утро из-под одеяла показалась маленькая рука, пальцы которой сонно сжались. Юноша повернулся на огромной кровати и нежно позвал:

— Муженёк...

В спальне царила тишина. Никто не ответил.

Цзян Лоло высунул голову, сбросил стройные ноги на ковер и, наскоро умывшись, зашлепал тапками к выходу. У мужа была привычка тренироваться по утрам, так что сейчас он, скорее всего, был на пробежке.

Спустившись по лестнице, Лоло поначалу хотел пойти к нему, но, увидев суету прислуги в кухне, мгновенно передумал. Выпрямив спину, он с самым невозмутимым видом направился к работникам.

Слуги вежливо здоровались с ним, и он благосклонно кивал им в ответ. Шеф-повар даже отчитался о меню на завтрак, на что Лоло ответил с одобрением:

— Замечательно, ничего добавлять не нужно.

А затем, уловив момент, когда на него никто не смотрел, он юркнул в зону холодного хранения. Ловким, отработанным движением юноша спрятал мороженое за спину и, как ни в чем не бывало, вышел прочь.

В последнее время его нестерпимо тянуло на холодное и сладкое. Тело словно горело изнутри, превращая его в маленькую раскаленную печку. Поэтому всё ледяное — от смузи и сорбетов до жареного йогурта — мгновенно стало пределом его мечтаний.

Однако Хо Цзэдун следил за ним строго, наказав управляющему и слугам охранять кухню и не позволять Лоло есть холодное, особенно по утрам.

Но сейчас, когда в кухне кипела работа, а альфа занимался спортом, наступил идеальный момент для «преступления».

Цзян Лоло воровато забился в дальний угол дивана. Убедившись, что за окном никого нет, а в коридоре не слышны шаги, он молниеносно сорвал обертку.

Первый укус — и хрустящая шоколадная глазурь сменилась нежным сливочным пломбиром. Осколки миндаля и фундука заплясали на языке, а долгожданная прохлада принесла блаженство. Юноша довольно зажмурился.

Это было оно — мороженое его мечты!

«Жаль только, что не взял два, — с грустью подумал он. — Там была такая суета, что никто бы и не заметил!»

Лоло только собрался откусить еще раз, как над самым его ухом раздался вкрадчивый, леденящий голос:

— Вкусно?

Он уже хотел было кивнуть, но вовремя осознал масштаб катастрофы. Хо Цзэдун стоял прямо за его спиной.

«Всё, пропал! — пронеслось в голове. — Сейчас отнимет!»

Мысли спутались, но челюсти сработали быстрее: он демонстративно откусил еще кусок, решив, что раз уж попался, то нужно урвать как можно больше.

Широкая ладонь легла ему на плечо и, перехватив его руку, мягко, но решительно забрала деревянную палочку. Мороженое его мечты было безвозвратно утрачено.

Хо Цзэдун обошел диван и, наклонившись, слегка ущипнул омегу за щеку.

— Маленький жадина. Стоило отвернуться, как ты уже за старое.

Следы сливок остались на его ярко-красных губах. Маленький омега в просторной белой пижаме поднял голову; его влажные глаза часто моргали, придавая ему вид самого невинного существа на свете.

— Я всего один разочек куснул... — жалобно протянул Лоло.

— Даже одного раза нельзя. Утром такая холодная еда под запретом.

Мужчина напустил на себя суровость, давая понять, что спорить бесполезно. Любой другой на его месте, завидев этот ледяной взгляд, тут же замолчал бы, но только не его маленький омега.

Юноша с самым бессовестным видом обхватил ногу альфы и принялся капризно выпрашивать:

— Ну пожалуйста, муженёк!

— Хо Цзэдун — самый лучший муж в мире!

— Малыш съест всего один кусочек, ладно?

— Ну ма-а-аленький... крошечный кусочек!

Хо Цзэдун проявил твердость:

— Нет.

Лоло обиженно надул губы.

Видя это, альфа не выдержал и присел перед ним на корточки, пытаясь успокоить.

— У тебя в последнее время часто болит желудок, помнишь? Врач вчера ясно сказал: никакой холодной еды по утрам. Это лишь еще больше раздражает слизистую, и тебе станет только хуже.

Он ласково погладил его по щеке.

— Будь послушным мальчиком. Давай дождемся обеда, и тогда ты его съешь, хорошо?

Омега немного посомневался, но в конце концов неохотно кивнул.

Хо Цэдун только что вернулся с пробежки. И хотя июльское утро еще не успело раскалиться, после интенсивной нагрузки его тело покрылось испариной. На нем была простая черная футболка и легкие спортивные брюки, подчеркивающие атлетичное телосложение и длинные ноги.

Теперь, когда он сидел на корточках, их лица оказались на одном уровне. На висках альфы поблескивали капельки пота; влага скатывалась по шее, заставляя кадык мерцать в лучах солнца. От него исходил мощный, будоражащий аромат мускуса и разогретого тела.

Лоло протянул руку и кончиками пальцев провел по острой линии его челюсти до самого кадыка, а затем показал испачканные пальцы мужу.

— Муженёк, ты весь мокрый...

Голос омеги был мягким и певучим, а кончики его белых пальцев порозовели от прикосновения. Хо Цэдун тяжело сглотнул, глядя на него.

— Угу, — выдохнул он.

Невдалеке послышался голос управляющего:

— Молодой господин, накрывать на стол?

Хо Цэдун даже не обернулся, не отрывая взгляда от лица Лоло.

— Подожди.

Шаги управляющего стихли. Маленький омега взял его за руку:

— Пойдешь в душ?

Зная характер Хо Цзэдуна, юноша понимал, что тот вряд ли сел бы завтракать в таком виде.

Тот продолжал смотреть на него, и его голос стал еще более низким и хриплым:

— Еще немного.

Лоло захлопал ресницами:

— Чего ждать-то?

Он выглядел настолько невинным в своем любопытстве, что муж не сдержал кашля и выразительно опустил взгляд.

— Ткань брюк слишком тонкая.

Лоло проследил за его взглядом и в ту же секунду вспыхнул до корней волос. Он мгновенно замолчал и послушно замер рядом, не смея пошевелиться.

Они провели в неловком молчании довольно долгое время. Юноша, сидевший на диване, в конце концов не выдержал скуки и капризно протянул:

— Ну что, уже всё?

Он осторожно глянул вниз и, убедившись, что всё пришло в норму, радостно затряс руку Хо Цзэдуна:

— Муженёк! Всё прошло!

Хо Цзэдун поднялся и потянул его за собой на второй этаж.

— Маленький бессовестный прохвост.

У дверей ванной он решительно отверг попытки омеги проскользнуть внутрь под предлогом «помощи». Хо Цзэдун плеснул в лицо холодной водой и взглянул на себя в зеркало.

Он зачесал мокрые волосы назад, открывая лоб. Приятно, конечно, что у этого сорванца проснулась совесть и он захотел помочь.

Вот только в его нынешнем состоянии Лоло вряд ли смог бы помочь в чем-то путном. С вероятностью в сто процентов он просто начал бы озорничать, а закончилось бы всё тем, что он снова со слезами на глазах молил бы о пощаде.

<http://bllate.org/book/15808/1499305>